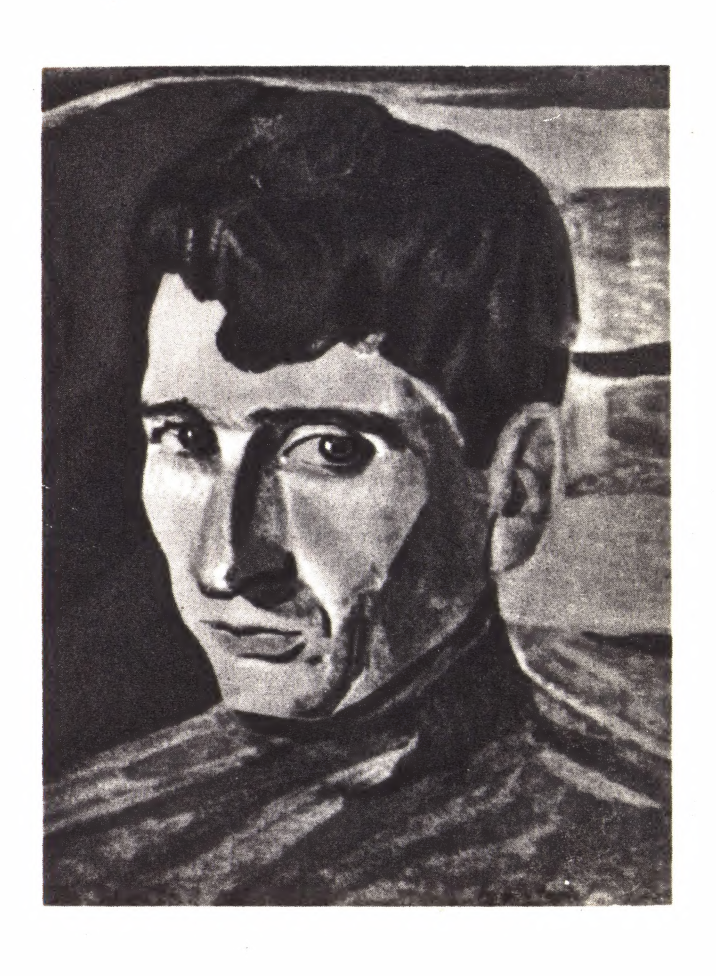

Егише
Чаренц
Стихи

Егише Чаренц

СТИХИ

ПЕРЕВОД
С АРМЯНСКОГО

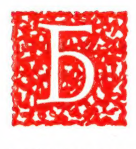
МОСКВА
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1980

С(Арм) 2
Ч 20

1897 1937 * Егише Чаренц

и его поэзия

70803—488
Ч———————273—80
М101(03)80

ывают поэты толпы и бывают поэты народа. Поэт толпы — это выразитель ее минутных разгоряченных страстей. Его имя может прогреметь, он может заворожить умы и сердца людей, повести их за собою, может показаться самым рьяным переводчиком их чувств и устремлений. Но он — минута, он — поверхность течения.

Поэт народа — это выразитель его исконных дум и глубинных чаяний. В нем — вековой народный опыт, коллективная народная память. Бывает, что и не сразу доходит его слово, что в данную минуту не все идут вослед за ним, но он ведет за собою людей в согласии с историей и духовными запросами своего народа, в согласии с философией века.

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ И ЕГО ПОЭЗИЯ

Егише Чаренц — поэт народа. В его поэзии с какой-то вещей, подспудной силой проступают дух народа, склад его мышления, его внутренняя тяга к высоким идеалам мира и гармонии, его вера в братство людей всех наций.

Чаренц как поэт явился миру в роковой час истории страны Наири — древней Армении. И всем своим духовным обликом, своей биографией, своим творчеством отразил ее вековую боль и метания, трагическое крушение ее надежд и ее скачок от почти небытия к жизни, к возрождению. Надо было быть поэтом народа, чтобы во мраке пятнадцатого года, в годы геноцида армян тогдашними турецкими властями, видя отчаянную агонию воспетой им «синеглазой родины», открыть уста не для проклятия и стона, а для того, чтобы призвать сынов Армении прислушаться к шагам «красных рядов» революции, поверить в ее обновляющую силу:

...Мне жертва моя опаляет ладонь.
Я сердце страны Наири кладу
В пылающий ваш огонь.

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ И ЕГО ПОЭЗИЯ

Кто может сказать:
В эту раннюю рань
Пришел ли еще кто-нибудь, чтобы влить
В торжественный ваш и могучий хор
Свободолюбивей песнь,
Чем та, что звучит с высоких гор
Моей страны Наири?

(Перевел А. Тарковский)

Нельзя сказать, что Чаренц слился с «красными рядами» сразу, без смятений и колебаний. Родился он в 1897 году и вырос на окраине царской России, в городе Карсе, на пыльных улицах которого не только останавливались отправляющиеся на южный фронт русские войска, а затем голодные и оборванные беженцы из Западной Армении, но также сталкивались классы и сословия, идеи и настроения, девизы и знамена. Все это впитывает в себя пытливый, беспокойный Егише Согомонян, чтобы годы спустя написать свой горький сатирический роман «Страна Наири». А пока на скамейке в городском саду он читает все, что попадет в руки, начиная от Данте и Франсуа Вийона до Пшибышев-

ского и русских символистов. Семнадцатилетний, ставший уже Чаренцем, Егише публикует свою первую книжку стихов «Три песни бледнопечальной девушке».

Вихри первой мировой войны и манящая мечта о национальном освобождении отрывают его от юношеских грез — Чаренц оказывается среди добровольцев, шедших освобождать Западную Армению. Ужасы войны, крах национальных чаяний разрушают и эти романтические иллюзии юноши. Он создает поэму «Дантова легенда» — одно из сильнейших описаний войны в начале XX века. Но даже эти каленые строки не облегчили потрясенную душу поэта. Слишком уж сгустились тучи тоски и отчаяния, нависшие тогда над страной Наири. Нужно было что-то другое, рассекающее эту стальную тяжесть. Нужна была гроза.

Этой грозой и оказалась вспыхнувшая в России революция, отблеск которой осветил все далеко вокруг.

Егише Чаренц — один из первых певцов Октябрьской революции — всей энергией своего молодого таланта распахнул

настежь окна перед этой грозой, чтобы в родной дом хлынули свежий воздух, смех и солнце, чтобы согбенные от слез и стонов души выпрямились, продолжали жить.

Встань же! Отряхни с души усталость,
Вниз с улыбкой светлой посмотри,
Где земля родная распласталась
В первых бликах брезжущей зари, —
И вперед! Пусть трудностям
нет счета.
Пусть в крови душа твоя опять.
Но по теплой сытости болота
Не дано ей в жизни тосковать!

(Перевела Э. Александрова)

Поэт народа, Чаренц знает, чувствует, что ему суждено не только продолжить вековую стезю древней поэзии, но и соединить ее с новым, победным шествием человечества к «Красному Грядущему». Обращаясь к стране Наири, он говорит:

. . .И тем я горжусь, что в мои времена
Я радость воспел средь наирских гор,

Что новую песню мою навсегда
Я внес во всеобщий хор.

(Перевел А. Тарковский)

Подлинным открытием была его знаменитая поэма «Неистовые толпы», которая стала заметным событием не только в творчестве Е. Чаренца, но и во всей армянской поэзии.

Бунт души не нов для этой поэзии. Стоит только вспомнить великое смятение гениального поэта-повстанца Фрика против социального гнета. Или «Абул Ала Маари» Аветика Исаакяна, где легкий перезвон бубенчиков каравана переходит в медный набат бьющих тревогу колоколов.

Бунт Чаренца — красноармейца, участника боев за взятие Царицына и певца этих боев — сливается с бунтом миллионов, в глазах которых «синеглазое небо, бескрайние безбрежные горизонты».

...Из городов, степей, лесов и сел, со
всех концов земли,
Надеждою окрылены, мы наше сердце
принесли.

Здесь — бой, здесь разгулялась смерть,
синеют сумерки дрожа.
И, словно сердце, вознесли мы флаг
багровый мятежа.
...И с сердцем радостным в бою теперь
поет, кто нищ и наг.
Пусть грудью мир на нас идет —
тысячелетний, злобный враг...

(Перевел Марк Талов)

Чаренц — новатор в самом широком смысле слова. На вершине многократно воспетого Арарата с его Ноевым ковчегом Чаренц еще в двадцатом году воздвигнул радиовышку, воскликнув: «Радиостанция ныне моя душа перед всем миром, перед всеми людьми». И это не только новое переосмысление жизни. Это и новая поэтика, которая произвела, можно сказать, целый переворот в нашем стихотворном искусстве.

Какой-то невероятный накал, огромная внутренняя энергия таятся во внешне, казалось бы, простых, не изобилующих метафорами стихах Чаренца. И высокий «вольтаж» его строк очень трудно «трансформировать», воспроизводить в переводе.

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ И ЕГО ПОЭЗИЯ

Во многовековом армянском песнопении уже более полувека неумолчно звучит многоголосый хорал чаренцевской поэзии: вдохновенные поэмы о Ленине, о революции, тончайшие лирические миниатюры, историко-эпические раздумья, философские рубаи и бейты, великолепные переводы из Гете, Гейне, Верхарна, Маяковского, остропублицистические памфлеты и едкие эпиграммы. Из всего этого возникает образ поэта народа, выстрадавшего вместе с ним его горести и разделившего его ликование, великого сына страны Наири и сына всего человечества, патриота и интернационалиста.

Интернационалист не тот, кто, вещая от имени человечества, освобождает себя от принадлежности к родному народу, от его радости и скорби. Интернационалист — тот, в чьем сердце, исполненном любви и сочувствия к родному народу, всегда есть место и для других наций и племен, для общечеловеческих надежд и тревог, кто может отдавать свое и принимать созданное другими, становясь духовно богаче от этого приобретения.

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦ И ЕГО ПОЭЗИЯ

Вот строки любви к родине, звучащие как исповедь:

Где бы ни был я, мне никогда напев армян
не позабыть!
Молитвенно звучащих книг, письмен
чекан не позабыть!
И как бы сердце ни разил счет наших
ран — не позабыть
Армению, мой милый край, тебя до боли
я люблю.

(Перевел И. Поступальский)

Егише Чаренц, из-под пера которого вышло это, не имевшее себе равного, вдохновенное стихотворение об Армении и великое множество ярких, накаленных строк, обращенных ко всем «дальним, близким людям, солнцам и мирам», — живое воплощение гармонической целостности человеческой души. Его поэзия — одна из высоких вершин, вздымающихся над хребтами времен.

Сильва Капутикян

СТИХИ

НА РОДИНЕ

Лед вершин и синие озера,
Небеса, как сны души родной,
С чистотой ребяческого взора;
Я — один; но ты была со мной.

Слушал ропот я волны озерной
И глядел в таинственную даль —
Пробуждалась с силой необорной
Вековая звездная печаль.

Звал меня на горные вершины
Кто-то громко на исходе дня,
Но уже спускалась ночь в долины,
К звездной грусти приобщив меня...

1915

* * *

Я затосковал, больной и безумный,
По солнцу, измученный этой сквозной
Ночной немотой, этой ртутной, бесшумной,
Бестрепетной мглой под бледной луной.

О, как я желал, чтобы солнечный зной
Луну победил и расправил мне плечи,
И чудо высокое утренней речи
В лучах и сиянье взошло надо мной!

Но в мертвенной мгле недужной печали
Не брезжило утро, слова не звучали.

1915

СЛУЧАЙНОМУ ПРОХОЖЕМУ

Мы в этом мире — ты и я, — мы оба здесь сейчас
Живем, идем, — куда идем? Одна судьба у нас.

Прохожий, стой. Давай в глаза друг другу поглядим,
И может, другом назовем того, кто был чужим.

Остановись. Куда спешишь? Несешься со всех ног...
Быть может, есть в моих глазах для друга огонек...

Иль ты не рад, что мы живем, что встретились грудь
в грудь?
Иль без возврата вдаль уйдешь, как безвозвратный
путь?

Пройду и я, совсем один, своим путем-мечтой,
Путем, которым ты прошел, незрячий и чужой.

Прошел, незрячий, — не взглянул и скрылся в тот же
миг,
Но долго буду помнить я твой незнакомый лик.

Я буду помнить, как в пути — не призрак, не обман —
Какой-то человек прошел... Был вечер и туман.

1916

* * *

И для меня прервется путь земной,
Когда-нибудь глаза и мне закроют,
Забудут песни, сложенные мной,
И в землю плодородную зароют.
И так же будет солнце бытия
Для нив и рощ творить благодеянья,
И не поверит даже мать моя
В недолгое мое существованье.
И каждая простится мне вина,
И я сольюсь, растаяв легким дымом,
С преданием, как наши времена,
Величественным и неповторимым.

1916

* * *

Коснулась нивы, словно жгучая печать,
Кроваво-красная небесная печаль,

Как ветер, красный ветер в вихре огневом,
Что с жарким шепотом сжигает все кругом.

Кровавый горизонт прижался к облакам,
И кто-то огненный приносит жертву там.

На горизонте он в разрывах бурых гор,
Сжигая все, раздул кроваво-красный горн,

И алым пламенем, как света торжество,
Стекает солнечная радость из него. . .

Краснеет на поле, окрашивая даль,
Далекой радости горящая печаль. . .

1918

* * *

Еще не растворился в облаках
Шар солнца красный и кровавый.
Еще в душе не превратился в прах
Закат твой — огненная лава.

Огонь и кровь — закат еще горит,
Пыль, пахнущая кровью, стелет.
Еще горит — и быстро вниз скользит.
И землю меж другими делит.

Он угасает, но опять придет
С улыбкою и песней новой...
Он угасает, но опять придет
С другим, с другим огнем багровым.

1918

* * *

О, сколько гор, лугов,
Лесов, полей, вершин,
О, сколько есть долин,
И сел, и городов —
Хочу, чтоб столько раз
Мой стих прославил вас,
Чтоб трепет всех тревог
Мне грудь огнем обжег...

Хочу, чтобы мой дух
Ракетой взвился ввысь,
Вознесся выше гор,
Чтоб этой песни звук
Открыл моей души
Безумство и восторг...

1919

БЕССОННИЦА

И мчатся, и мчатся, и мчатся кони.
Я слышу подковы и крики погони.
Бездонная ночь, и неведомый путь,
И цокот подков о земную грудь...
И мчатся, и мчатся, и мчатся кони,
То ближе, то дальше крики погони,
И цокот подков — у меня в висках.
Как жизнь и как смерть — этот мир впотьмах.

1919

* * *

Темнеет — и в сердце мое проникает тоска,
И плачет вполголоса, как за стеной непогода,
И жалобы копит в углу своего тайника,
Корит меня каждой секундой минувшего года.

И ропот неясный я слышу всю ночь в полусне.
Он в мыслях туманных моих отзывается сиро,
И кажется, он приближается тайно ко мне
Из непостижимо далекого мира.

И хаоса тысячелетнего ходит волна,
И скорбную душу бросает в пучину, и мимо
Проходят кружащиеся колесом времена,
Как путаный сон, недоступны и неуловимы.

То жалуется этот голос, безумный от слез,
То тихо зовет, как в потемках недужный ребенок,
То вскинется дико и, как в полнолуние пес,
Завоет спросонок.

И слушает сердце, как хаос, клубящийся в нем,
На сто голосов причитает, стенает и воет.
Так жизнь протечет, а потом в океане ночном
На дне равнодушная вечность мой дух успокоит.

1919

ЛЕТО

Настало лето, жарок день,
Дивится урожаю мир,
В саду цветущем — свет и тень...
Что ж беззащитен я и сир?

Я взял у солнца и земли
Все, что могли мне дать они,
И семена мои взошли...
Что ж я грущу в такие дни?

Мне урожай собрать дано,
И станет полной чашей дом,
Но сердце все еще темно,
Не слышно летней песни в нем.

Кто знает, сердце, жизнь твою
И тайные твои мечты,
И почему я слезы лью,
И почему в смятенье ты?

1920

* * *

Вот встали вновь. . .
Ты слышишь звуки звонких строф?
Мир красен от огня, как кровь.
А ты готов ли встать на зов?

Мир, там вдали труба слышна,
Над шумом улиц, рек и рощ. . .
Бессонница раскалена,
И сердце вновь — огонь и мощь.

Я чувствую, как бьется в нем,
Кипит, колышется, поет
Кровь тех, что, встав впотьмах с огнем,
Идут к грядущему, вперед.

О песнь моя, родясь на свет,
Летишь ты вдаль, но знаю я,
С тобой получат мой привет
Товарищ мой, сестра моя. . .

О песня, о сестра огня!

1918—1920

* * *

Горишь ты медленным огнем,
Став в сердце пламенем лучистым,
Горишь ты медленным огнем,
Твоим огнем большим и чистым.

Я — жалкий сирота, как ты,
Страна моя, что затерялась
Средь вечной мира суеты,
Ничью не вызывая жалость...

Скажи, как звать тебя теперь,
Чтоб ты уста дала, как милость,
Ах, как мне звать тебя теперь,
Чтоб ты на голос мой явилась?

1919—1920

* * *

«Вернись» — манят меня
Дни прошлые голубизной,
Но новый, полный огня,
Бескрайний мир предо мной...

Труба звучит как судьба,
Как огненной песни новь...
Каждая смерть — труба,
Каждая рана — любовь.

Напрасно манят меня
Дни прошлые голубизной,
Мир новый, полный огня,
Бескрайний мир предо мной.

1919—1920

* * *

Красные кони несутся, летят,
Пенные гривы, как пламя, багровы,
Искры роняя, подковы горят,
Блеск и огонь рассыпают подковы.

Красные кони всю землю зажгли,
Красное зарево шире и шире,
Мчатся, как вихрь, не касаясь земли,
Сея восторг и волнение в мире.

Искры взметаются из-под копыт,
Будущий день пробивают навылет,
Рушится зданий надежный гранит,
Благо — огонь, если тьму он осилит.

Кони несутся, не зная преград,
Пенные гривы играют с ветрами,
Огненным блеском следы их горят,
Красные кони — пыланье и пламя.

1919—1920

* * *

Как родина моя в слезах, как родина моя во мгле,
Как родина, на чьих плечах кнут палача,
Как сердце сирое мое чадит без пламени во мгле,
Так сердце скорбное чадит, кровоточа.

И песни красные мои, ах, песни красные мои,
Что сердце скорбное поет, мечась в огне,
Как прозвучат они во тьме, ах, песни красные мои,
В моей разрушенной стране, в моей стране...

Как родина моя в слезах, как родина в дыму огней,
Так сердце плачет и грустит о ней одной,
В нем точно рана в глубине, — кровавый отблеск
этих дней,
Ах, сердце сирое мое — мой край родной!

1919—1920

ГАЗЕЛЛА МОЕЙ МАТЕРИ

Лицо вспоминаю я, родимая мать моя,
Под сетью светлых морщин, родимая мать моя!

Сидишь перед домом ты; весенний зеленый тут
Бросает тень на тебя, любимая мать моя!

Сидишь ты молча и те печальные помнишь дни:
Они пришли и ушли, родимая мать моя!

Ты помнишь сына, давно ушедшего от тебя,
Куда он ушел тогда, родимая мать моя?

И где он живет теперь, он жив или умер давно?
В какие двери стучит, родимая мать моя?

Когда усталым он был, в любви обманутым — в чьих
Тогда объятьях рыдал, родимая мать моя?

В раздумье печальном ты; баюкает нежный тут
Твою святую печаль, родимая мать моя!

И слезы горькие, вот, текут одна за другой
На руки, руки твои, родимая мать моя!

1920

* * *

Певцов полно, да песен тех, чтоб сердце укололи,
нет.
Кругом веселье, но игры желанной средь застолья
нет.
Ищу я шахиншаха сад, мне без него раздолья нет,
Ищу возлюбленный квартал, да мне счастливой
доли нет.

Кому мне песню рассказать? Ни ты не хочешь,
ни другой,
Хотя не отвернулся бог от кяманчи моей живой,
Никто не внял моей тоске и не услышал ропот мой,
Омыть бы скорбь росою слез, да той росы на поле
нет.

Эх, думаю, оставлю саз, как люди стать давно
пора,
Коль роза я — так где шипы? Им отрастать давно
пора.
С врагами надо быть врагом, зло не прощать
давно пора,
Чтоб, без меня садясь за стол, сказали: к хлебу
соли нет!

Жесток и мелок человек, а мир необозрим, Чаренц,
Пусть слово человека — яд, для сердца горький
дым, Чаренц,
Послушай, говорю тебе, не будешь ты любим,
Чаренц,
Пока от сердца твоего ожогов нет и боли нет!

1920—1921

* * *

Сад обошли благоуханный,
но розы красной не заметили,
Прельщаясь юностью мгновенной,
души прекрасной не заметили.

На пир пришли, услышав песню,
и равнодушно пир покинули.
Из всех приманок самой лучшей
и сладкогласной не заметили.

Я был щедрее нивы зрелой,
покуда в сердце пламя теплилось,
Но, урожай снимая, нивы
моей атласной не заметили.

Сестра, возлюбленная, друг мой,
знакомые и незнакомые —
Все разошлись — и человека
за песней страстной не заметили.

1920

В УЖАСЕ ПЕРЕД ПАДЕНЬЕМ

Вот я поэт, и я говорю: имя мое — Чаренц —
Будет гореть высоко в веках, как пламенный венец.

Оставил я века за собой, шел дорогой побед,
К векам грядущего напрямик я пролагаю след.

О чем ты упрашиваешь меня, печальная синь огня?
Ты, древняя душа Наири, зачем томишь меня?

Зачем расстилаешь предо мной благоухания плат?
И отчего мой страждущий дух твоей тоской объят?

Зеленые очи, бледный лик... Как я могу помочь?
Зачем ты стоишь на моем пути, тысячелетий дочь?

Хочешь ты, чтоб, и слаб и наг, я поник наконец,
Как потерявшееся дитя, как на костре мертвец.

В ужасе перед паденьем — я, не выпустив стрелы,
Вновь отступаю, назад бегу, прячусь в пределах
мглы.

Глаза мои, в которых еще брезжут синие сны,
К обезумевшим толпам людским снова устремлены.

Они воспламенены, их тьмы, они встают стеной,
Они должны смести города, спящие под луной.

Очарованья ваш мир лишить, чтоб на месте его
Оставить разруху, пепел, смерть — и больше
ничего.

Сети очарованья плела любовь у вас в дому, —
Они придут, разрушат ваш дом, снова не встать
ему.

Больше не будут ваши глаза гореть огнем страстей,
Запорошит их седая зола ваших сгоревших дней.

И больше не вспомнить никому, что раз один в веках
Живое сердце мое в плену держал паденья страх.

Что знал я женщину в веках, — душу мою губя,
Она швырнула ее, как звезду, дальше от себя.

Толпы неистовые придут, а им ничего не жаль,
Они разрушат ваш рай и ад, и чары, и печаль,

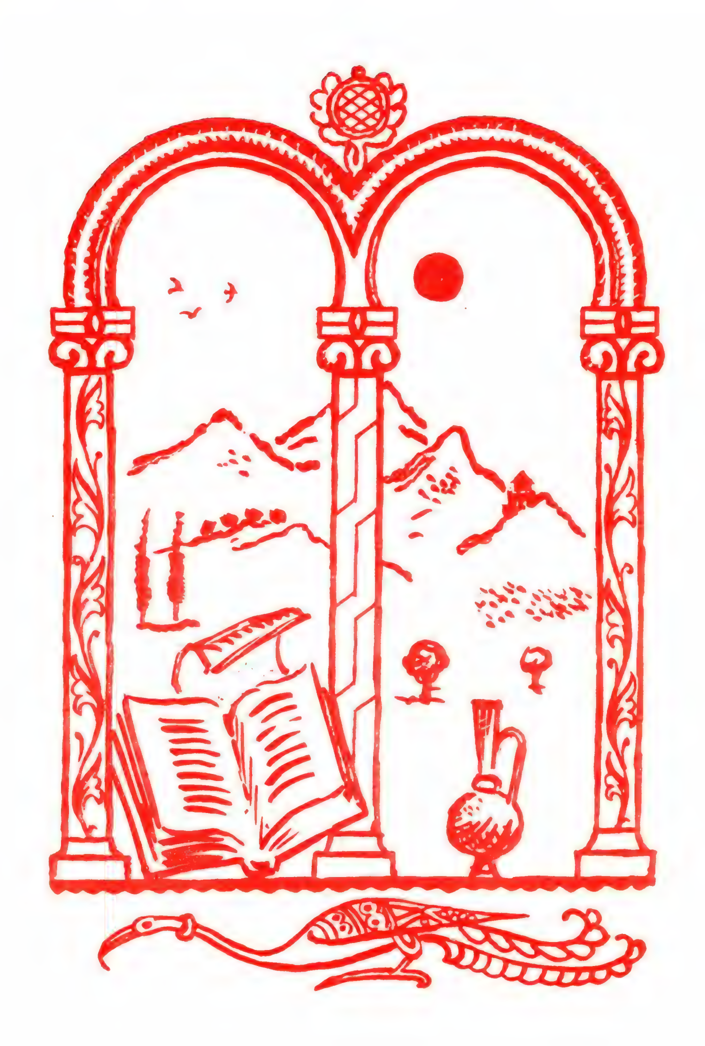
И женщинам больше не услыхать о паденье моем,
Не угадать, что стала душа раной и гнойником,

Не выдам ни словом, когда огнем новой песни
дохну,
Что был я несчастен и сердцем слаб и что я был
в плену.

Вот я — поэт, вереницей стрел летите, песни мои,
К новым столетьям, закалены в пламенном бытии.

Оставил я века за собой, шел дорогой побед,
К векам, горящим красным огнем, я пролагаю
след.

1920

* * *

Язык Армении моей, его звучанье я люблю!
Среди старинных наших рощ струны рыданье я люблю!
Цветы, багряные как кровь, и розы яркий аромат,
И пляску наирийских дев, их волхкованье я люблю.

Люблю небес родимых синь, покой сверкающих озер,
И солнце летнее, и рык чудовищной метели с гор.
Суровость наших черных стен, когда над ними тьмы шатер,
Туф наших древних городов, его сказанье я люблю!

Где б ни был я, мне никогда напев армян не позабыть!
Молитвенно звучащих книг, письмен чекан не позабыть.
И как бы сердце ни разил счет наших ран — не позабыть
Армению, мой милый край, тебя до боли я люблю!

В тоске для сердца моего иных сказаний славных нет!
Нарекаци [1] или Кучак [2], без вас умов державных нет!
Пройди весь мир — в нем белых гор, красой
Масису [3] равных, нет!
Масис, как славы трудный путь в моем скитанье, я люблю!

1920—1921

———

[1] Нарекаци́ Григо́р (X в.) — армянский поэт, автор «Книги скорбных песнопений» и сборника религиозных гимнов, известных под названием «Наре́к».

[2] Куча́к Наапе́т (XVI в.) — средневековый армянский лирик.

[3] Маси́с — армянское название горы Арарат.

КРАСНЫЙ СОНЕТ

Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза.

Брюсов

Грядущее горит неистово-багрово,
Как меч, что выхвачен из ветхих ножен дней,
И в пыльные ножны не возвратится снова,
И не исчезнет в днях, ушедших в мир теней.

Чего же хочет ваш убогий, глупый бред?
О чем скулит ваш мир, в тоске смертельной рушась?
Что пережито в днях и что воспел поэт, —
Не сокрушат ваш гнев, отчаянье и ужас!

Теперь отходят дни с свирепой быстротой,
Как пыльные ножны от лезвия стального,
Когда, сойдясь с врагом, ведешь невольный бой.

И, полный мудрости поэт, пою я снова.
Вот отступают дни, уходят в мир теней, —
И песнь летит стрелой к заре грядущих дней.

1921

АРМЕНИИ

Ты видела сотни сотен ран — и увидишь опять.
Ты видела иго чуждых стран — и увидишь опять.
Ты видела сжатый урожай кровопролитных войн,
Неубранный хлеб, глухой бурьян — и увидишь
опять.
Подобно изгнаннику, боль обид видела на пути,
И ветер сухой, и ураган — и увидишь опять.
Где Нарекаци? Где Шнорали? Где Нагаш
Овнатан? [1]
Ты видела мудрых славный стан — и увидишь
опять.
Армения, твой Чаренц как дар взял язык у тебя.
Ты видела многих певцов-армян — и увидишь
опять.

1921

---

[1] Шнорали́ (Благодатный) Нерсе́с (1101—1173) — армянский поэт, публицист, общественный деятель; Овната́н Нага́ш (1661—1722) — армянский поэт и художник.

* * *

Прекрасное горит, сжигая.
Горит, живому жизнь даря,
Твоя вселенная живая.
Пока ты жив — сжигай, горя!
Сгорев, остынь, зола седая.
И лучше душу сжечь не зря,
Чем тлеть, чадя и не сгорая.
Пока ты жив — сжигай, горя!

1921

* * *

Вновь восходящее светило
В тюрьме бегущих синих дней
Весь мир алмазами огней
И жарким смехом расцветило.
Тот, кто без крова, кто гоним,
Уныл и нищ, чей жребий солон,
Пусть будет ныне голубым,
Нетерпеливым и веселым!

1921

* * *

Я ржавчину и раны различаю
На плоти солнца, ведь и свет раним.
Поток самоотдачи нескончаем,
Горячий солнца горн неистощим.
Чем медленней горит, тем он багровей, —
Кровавы на груди моей лучи.
Что б ты ни делал, делай только кровью,
Да будет с болью смех неразлучим!

1921

* * *

Взгляни — штыки блистают золотые
На златоликом солнце, что, как щит,
Переливаясь золотом, горит.
Взгляни — штыки блистают золотые.
Как сладко кровью, солнечной стихией
Вооружаться и вооружать!
На златоликом наготове рать:
Взгляни — штыки блистают золотые.

1921

ЕРЕВАН

1

Ни один поэт звездоглазый
Не мечтал еще о таком:
Солнце мира вместо алмаза
В галстук свой мне вколоть бы днем,
К ночи —
Синее небо взять бы, —
Я бы над головой понес
Гроздья звезд,
Как несут на свадьбу
Винограда полный поднос.
Властен я над ходом событий,
Стих поэта — всего сильней.
Я в Чека превращу —
Хотите? —
Паутинку души моей.

2

Ничего, ничего я не знаю. . .
Но дана мне сила певца,
Страстной песни рука стальная
Нежно гладит ваши сердца.
Захочу — и быстрее ветра
Стих наточенный прянет к вам,
Чтоб косой скосив километры,
Полоснуть по вашим сердцам.
Я могу оперенную словом
Снять стрелу
С тетивы поэм,
Бросить наземь лук

И в лицо вам
Плюнуть в гневе.
Только зачем?
Что изменится?
Разве не ляжет
Камень скуки на сердце мне?
Разве путы тоски развяжет
Гнев мой праведный хоть во сне?
Вспыхнуть ярко сердце желало б,
Но сломясь,
Как старый Терсит [1],
Смертоносной стрелою жалоб
И себя, и всех вас пронзит.

3

Ну, что хочешь, что тебе надо,
Сердце песенное мое?
Вьючный скот,
Ереван-громада,
Тяжко мне твое забытье.
Канакерский склон — в изголовье,
А в ногах у тебя — Арарат.
Я люблю тебя верной любовью,
Я домам глинобитным брат,
Сонный, вьючный город мечтаний,
Я — твой раб, Ереван,
Ты — мой хан.
Словно пес правоверный — баню,
Я люблю тебя, Ереван.

---

[1] Терси́т — отрицательный персонаж из поэмы Гомера «Илиада».

Я такого чуда не помню,
Чтобы негр белокожим стал.
Как тебя похвалить еще мне,
Чтоб не ждал ты других похвал?

4

Снова, снова, снова мне снится:
Потому Ереван притих,
Что повис,
Как самоубийца,
На веревке нервов моих.
Он висит,
Он просит забвенья,
Говорит:
— Я к смерти готов.
Шар земной опоясали звенья
Звонкой цепи больших городов.
Там начищены, как гуталином,
Тротуары,
И вместо телег
Там моторы на радость витринам
Ускоряют свой плавный бег.
Светят зарева издалека мне,
Фонари унизали мосты.
У других — драгоценные камни,
Ничего у меня, сироты.
Мой Чаренц, умереть мне слаще,
Чем дремать другим не под стать.
Если ты поэт настоящий,
Помоги страну подымать.
Пусть мостами протянутся строки,

И под арками их на бегу
Прогремят столетий потоки,
Чередой впадая в Зангу.
Если можешь, —
Неведомый, новый,
Полный света город построй.
Почему же без сна и без слова
Ты сидишь под беспутной луной?

Ах, луна!
А луна-гулена
В круглой шапочке с серебром
«Энзели» [1] **на площадке наклонной**
Пляшет,
Ходит павой кругом.
Длится звездный пир.
Арарату
Снится сладкий сон про меня.

Ереван, грядущим чреватый,
Я люблю тебя верно и свято.
Так тянулось к Давиду когда-то
В старой песне
Сердце коня.

1922

---

[1] Энзели́ — восточный танец.

* * *

На оранжевом
Диске солнца —
Вы видели? —
Профиль мой
Ныне
Выбили.

Эй, вы,
Что привыкли
На тусклых монетах
Видеть профили царские!
Теперь это я —
«Сын пролетарский»,
Теперь мой лик
Лучистый
Высечен
На солнечном диске.

Ну что,
В гробах ваших,
Тесных, заброшенных,
Истлела душа ваша заживо,
Когда вы увидели
Лик мой бронзовый
На диске солнца
Оранжевом?

1922

* * *

Витрина
Дней
И событий, —
В ней
Сердце мое
Под стеклом.
Хотите —
Отдам!
Берите!

На что мне
Кровавый ком,
Как шут Кико,
Беззащитный?
Теперь у меня
В груди —
Греми,
Барабан гранитный,
Зурна из железа,
Гуди!

Не ранить вам
Сердца такого
Всей злобой своей,
Как ножом,
Когда
Вы придете
Снова
Плясать
На сердце моем.

1922

ВСЕМ ПОЭТАМ

Вам легко,
Любовь любить вас зовет.
О любви,
Превратив свои легкие в трубы,
Вы трубите.
Представится повод — полюбите и завод,
Представится повод — и борьбу полюбите.
А я — трибун,
А я — мятежный —
Плевал
На весь этот лепет нежный.

Вы пели о любви
Еще вчера,
О том, как прекрасны и луг и речка.
Но. . . Октября пришла пора,
И высохла ваша «речка».

Наступил Октябрь.
Чтоб разлиться непобедимо,
Ему воля и мускулы
Необходимы.
Октябрь
Фронт масс
Противопоставляет старью,
Берет нас за горло,
Гонит на стройку свою.
Слышишь ли,
Эй,
Ты!

Шины производи,
Или мости мосты,
Или тори пути,
Бесполезно
Девушек воспевать,
Лучше продукцию
Выдавать.

Те простые люди,
Что Октябрь открыли,
Очень правильно говорили:
Сперва дай хлеба —
Без пищи невмочь,
А потом дойдем до звездного неба,
До того,
Как прекрасны
Розы,
Речки
И лунная ночь.

Обыкновенно?
Давно знакомо?
Стерто, как пятак?
Да, знакомо, как аксиома:
Так было,
Так есть
И будет так.
Вы понимаете это?
Никакого Парнаса.
Даже пролетпарнаса.
Никаких поэтов,
Даже пролетпоэтов.
Это так.

Это так.
Песня — это песня,
И ничего кроме,
Даже если поешь
О машинном громе.

Хоть сочини пролетсонет,
Толку в этом особого нет.
Лучше блоху пасти,
Чем рифмы трясти.
Нет ничего бесполезней,
Чем кормить заводы песней.

Нас родили
Не небо,
Не ветер,
На обычной земле нам пришлось родиться.
Завод,
Земля,
Улица,
Поля.
Динамит Октября
Не в песне взрывается.
В поле,
В жизнь,
Во двор
Настежь дверь открывается.

Эй, вы,
Певцы разномастные,
Слышите?
Когда же ваши песни
Утишите?

Отбросьте прочь ваши свирели!
Прекратите трели!

А для меня —
Солдата,
Трибуна,
Большевика —
Лучше пойти в агитпункт,
В Чека.

1923—1924

III ИНТЕРНАЦИОНАЛ — РКП

Вставай!
Пойдем
Из Армении в Тагил,
В Лондон,
В Тунис,
На Дунай, на Дон.
Наша сила — миллионы сил.
Наш тоннаж — миллиарды тонн.

Наш пароход — из воли и стали.
Наш пароход — это мы.
Наше динамо — миллиарды встали,
Лучатся среди тьмы.
Кто на пароходе — всегда готовы!
Кто на пароходе — не спит никогда!

Еще буря ломает швартовы,
Еще берег — далек,
Близка беда.
Вот он, берег Лозанны и Рура.
Но, буря, прислушайся, угомонись:
Имя парохода — диктатура.
Рейс: отсюда в коммунизм.

Ничто не устоит пред нами.
Бог одних старух
                    обманом напитал.
А религия пройдет
                    божественными снами.
Веруем мы только в «Капитал».

Марксом вычисленный рай —
Коммуна!
Мы дождались твоего кануна,
Электрификация плюс власть Советская —
Коммунизма формула
отчетливая, веская.

Нас нашел Октябрь и окрылил,
Выковал
Оружье наше он.
Наша сила — миллионы сил.
Наша масса — миллиарды тонн.
Он связал Дунай с Индокитаем!
С Октябрем
Ширимся, мужаем, вырастаем —
С каждым днем.

Волей, тараном,
Мышцей тугою
Был Октябрь.
Бомбой, барабаном
И призывом к бою
Был Октябрь.
Октябрь — шрапнель.
Октябрь — пулемет.
Октябрь прозвенел:
В поход —
Там крови бастионы.
Мороза цитадель.
Вперед же, миллионы
Трудящихся людей!

Встал
За рядом ряд.
Пошел,
Победил
Пролетариат.
Противится кто нам
До сих пор?
Любым Керзонам
Дадим отпор.
Шелест крыл Москвы
Слышен в Ереване.
Слышен в Тегеране
Шелест крыл Москвы.
В Перу,
В Руре
Слышен шелест крыл.
В Сингапуре!
Гималаи он покрыл!
Держи свой порох сухим,
товарищ.
И мы победим!
Победим, товарищ.
Третий Интернационал — наше знамя —
С нами.
РКП — наше единство —
С нами.

1923—1924

* * *

Исчезла туча, тает мгла, но мгла над тобой —
не та.
Вскочи в седло — и прочь с седла: земля под
стопой — не та.
На место прежнее вернись — возврата полного
нет, —
Сейчас тебя тропа вела, следишь за тропой —
не та!

1920

РУБАЙАТ

*

Ты есть, ты дышишь, ты живешь: промчится миг — и ты
другой.
В былое канет явь — и что ж? Промчится миг — и ты
другой.
Пусть, как зерно, твой день умрет: родит ведь завтрашний
он день.
Вот так по жизни ты идешь. Промчится миг — и ты
другой.

*

И жизнь, и смерть — всего одно мгновенье,
Неистощимо пламя истощенья,
Мир вековечный не мигнет, мигая,
И неизменно только измененье.

*

О, пей, пей жадно, до изнеможенья,
Пей беспрерывно это истощенье,
Потерянное вновь себя находит
И, находя, свои теряет звенья.

*

Смотри: перед тобой река, она течет и течет.
Хоть неизменен для тебя поток струящихся вод,
Она другая что ни миг. А слава твоя, чудак,
О вечном памятнике сны лелеет из года в год.

*

Прошел по городу один прохожий,
Ушел, не возвратился... Ну и что же?
Не он, а я смотрю на этот город,
По-прежнему красивый и пригожий.

*

И улыбаешься себе ты в миг любой,
И утверждаешь сам себя улыбкой той,
И терпишь пораженье, побеждаешь,
Но остаешься ты всегда самим собой.

*

Ты пишешь золотым пером, твое премудро слово,
С собой прощаешься, потом себя встречаешь снова.
Как этот дом ни разоряй, добра не исчерпать,
Твоя душа всегда полна веселья огневого.

*

Был гением, титаном Искандер,
Смешал народы, страны Искандер.
Но если б в мире не было движенья,
Не поднял бы стакана Искандер.

*

Идет по улице богатый. Ах, до чего самодоволен!
Презренья полон рот разжатый. Ах, до чего самодоволен!
Глупец, понять он разве может, что смерть его повсюду рядом
И он падет, внезапно смятый?.. Ах, до чего самодоволен!

*

В парадную входили дверь — и раем считали дом.
Мы думали: сам бог воздвиг из камня и стали дом.
Вошли мы через черный ход и поняли: это мы
Тюрьму воздвигли для себя, и вот — разметали дом.

*

Сказал богатый дервиш, что сон мгновенный — жизнь,
Бессмысленная греза, игра вселенной — жизнь.
А ты руками двигал? Работал ли в поту?
Тогда ты, верно, знаешь, как драгоценна жизнь.

*

Богатым не был никогда — всю жизнь трудился ты.
Твоя рука сильна, тверда, — всю жизнь трудился ты.
Преображаешь землю, мир, чтоб жизни урожай
Собрать, как подойдет страда, — всю жизнь трудился ты.

*

В мятежный век ты в мире жил — ничто тебе
не показалось вечным,
И близь и даль ты изучил — ничто тебе не показалось
вечным.
Ты видел смерть и видел рост, и гибель вековых основ,
И, кроме борющихся сил, ничто тебе не показалось
вечным.

*

Твой разум был туман сплошной, теперь ты стал
мудрецом,
В огне ты видел шар земной, теперь ты стал мудрецом,
Ты чад истории самой на кухне ее вдыхал
И знаешь занятых стряпней, теперь ты стал мудрецом.

*

Хочешь получить сполна раз и навсегда,
Жизни смысл постичь до дна раз и навсегда?
Мир — теченье, — возникает, созревает, умирает,
Только смерть тебе дана раз и навсегда.

1926

КУДРЯВЫЙ МАЛЬЧИК

Закрываю устало глаза
И так ясно, так ясно я вижу:
День в грядущем. Небес бирюза.
Огнекудрое утро все ближе.
Уже солнце пошло на подъем,
День гремит, как аккорд на органе.
С синих-синих небесных каем
Низвергается наземь сиянье.
К Арарату проходит шоссе
Изменившеюся Эриванью.
Сколько лет этой новой красе
И живому ее ликованью?
Вдоль дороги, по обе руки,
Переезды, дома и заводы.
Кто разбил у домов цветники?
Как густы этой зелени своды!
Воздух чист, меж домами — простор,
Мастерские меж них вперемежку,
Ни соринки кругом. Что ни взор,
То — блаженного счастья усмешка.

Вот из города мимо оград,
Попирая проснувшийся камень,
Пионерский выходит отряд,
Впереди его — красное знамя.
Слышен топот уверенный ног
И отрывистый бой барабана.
Лица ясны, в глазах огонек,
Рады в ногу шагать мальчуганы.
По асфальту срезают дугу

И сворачивают по извиву
В то ущелье, где низом Зангу
Протекает светло и шумливо,
Где прозрачное кружево плесть
Не устало потока журчанье.
Рядом старая изгородь есть,
Под оградою камни в бурьяне.
Камни с виду без мет и письмен,
Безымянные камни — могилы.

Надо всем — тишины полусон,
Точно памяти призрак бескрылый.
Сверху синие своды глядят.
Виснет солнце, проходит отряд,
Полыханьем его опьяненный.
Слышен марша уверенный шаг,
Рассыпается дробь барабана,
И весна, затаясь в их очах,
Улыбается солнцу нежданно.
Тем-то шагом, без дум и забот,
И обходят бурьян пионеры.
А весна — то куда-то зовет,
То о ком-то тоскует без меры.

Но внезапно из их череды
Кто-то смотрит на камни и травы.
Покидая дружины ряды,
Отделяется мальчик кудрявый.
Пионер до колен голоног,
Красный шейный платок у подростка.
Мальчик с выпуклым лбом, синеок,
В белой курточке с синей полоской.
Он подходит к камням и, всмотрясь,

Принимается скресть их ногтями
И стирает присохшую грязь,
Затянувшую надпись на камне.
И тогда: «Здесь покоится прах
Егише, — он читает, — Чаренца. —
И дочитывает второпях: —
Стихотворца, Маку уроженца».
И как бы объясненья ища,
Он стоит, смотрит вдаль, размышляет.
И, сорвавши отросток плюща,
С ним покинутый путь продолжает.
И когда нагоняет своих,
В незапамятности, как дотоле,
Остаются, оживши на миг,
Эти камни, забытые в поле.
. . . . .
О, вернись, там ведь сердце мое!
Растопчи его, ножкам в забаву.
Ты, всех жажд моих ключ и питье,
Наша будущность, мальчик кудрявый!

1928—1929

ЭПИЧЕСКОЕ УТРО

Строго мрак глядит мне в очи,
Скоро радостный восход,
Скоро минет сумрак ночи,
Утро двери распахнет.
Хорошо подняться рано
И глядеть, как над трубой,
Разрывая мглу тумана,
Дым струится голубой.
Знать, что ждет тебя забота.
Путь и тяжек и далек, —
У меня идти охота
По труднейшей из дорог.

И взглянул в глаза мне строго
Юности моей предел! . .
Я иду своей дорогой,
Но теперь я бодр и смел.
Пусть порой душа мутнела,
Я борюсь, отбросив страх,
Чтоб мое сияло дело,
Словно солнце в небесах.
Голос многих поколений
Твердо мне велит идти,
И одна из малых теней
Помогает мне в пути.
Расстаюсь я с вами нежно,
Бестолковые мои,
Ночи юности мятежной,
Юности беспечной дни.

И улыбкой встречу мудрой,
А не горьким вздохом — нет! —
И эпическое утро,
И последний мой рассвет.

1929

НАШ ЯЗЫК

Дикий наш язык и непокорный,
Мужество и сила дышат в нем,
Он сияет, как маяк нагорный,
Сквозь столетий мглу живым огнем.

С древности глубокой мастерами
Был язык могучий наш граним,
То грубел он горными пластами,
То кристалл не смел сравниться с ним.

Мы затем коверкаем и душим
Тот язык, что чище родников,
Чтобы на сегодняшние души
Не осела ржавчина веков.

Ширятся душевные границы,
И не выразят, чем дышит век,
Ни Теряна [1] звонкие цевницы,
Ни Пергаментный Нарек.

Даже сельский говор Туманяна [2]
Нас не может в эти дни увлечь,
Но отыщем поздно или рано
Самую насыщенную речь.

28 января 1933 г.

---

[1] Терян Ваан (1885—1920) — армянский поэт.

[2] Туманян Ованес (1869—1923) — армянский поэт.

ГИМН ЛЮБВИ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ОТВАЖНЫМ ЮНОШАМ БУДУЩЕГО

1

Когда приходит новая весна
И в жизнь опять вступает поколенье, —
Кимвал звучащий — солнце, а страна —
В сердцах отважных юношей цветенье.

Так каждый раз — с улыбкою иной,
Так каждый раз, но неизменно — милой,
Так каждый раз — с бездонной синевой
И каждый раз с необоримой силой.

О юноша, приняв его, храни,
Храни тебе дарованное счастье, —
Девичьих глаз любовные огни
Осветят дни тревоги и ненастья.

Как винограда гроздь — ее уста,
Упейся ласками подруги нежной.
Пою любовь твою, она чиста,
Могучей вечности завет безбрежный.

2

Нам свыше предназначена она,
Непрочная весенняя отрада,
И в каждом миге гром и тишина,
Палящий зной и влажная прохлада.

Ты в поле озаренное пойдешь
Срывать цветы победною рукою,
Свой путь с эпохой в дружбе обретешь,
Не ограждаясь от людей стеною.

Не только телом, сердцем и душой —
Будь молод и поступками своими,
Тогда и время весело с тобой
Пойдет вперед, твое прославив имя.

Твоей весны пусть блещет торжество,
Пускай твой путь уже покрыт цветами,
Ты должен сам озолотить его
Любовью крепкой, светлыми делами.

3

Иди по лугу юности весной,
И пусть весна идет с тобою рядом,
И, наслаждаясь страстью молодой,
Гляди в грядущее бесстрашным взглядом.

Своей любви вкушая первый плод,
Почувствуй сердцем истину простую,
Что для любимой ты теперь оплот,
Твой долг — беречь подругу дорогую.

Знай! Розы нежные любви твоей
В цветущий луг тогда лишь превратятся,
Когда любовь подруги все сильней
Алмазом жизни будет разгораться.

24 февраля 1933 г.

СЕМЬ ЗАВЕТОВ СЕЯТЕЛЯМ ГРЯДУЩЕГО

О сеятели, вы, кто бросит горсть семян
На пашни и поля, что мы для вас вспахали,
Впитавшие наш пот и кровь из наших ран,
О вы, оратаи, что из грядущей дали
Придете радостно, веселым маршем в лад
Торжественно гремя голубоватой медью
Тарелок душ и солнц, — как ваш далекий брат,
Вам семь заветов шлю, прошедших лет наследье.

Вот первый мой завет, который шлю вам я
Из наших алых дней, что Будущим чреваты, —
Горсть первую семян вы бросьте на поля,
Как светлую мечту, что грела нас когда-то.

Рассыпьте, как добро, из полного мешка
Горсть птицам и ветрам на нашем древнем поле,
Пусть будет радость их светла и велика,
Как были велики когда-то наши боли.

На Север бросьте вы вторую горсть семян,
К безоблачным степям, к просторам необъятным,
Туда, где сорняки смел Красный Ураган,
Что для больной земли стал ливнем благодатным.

Вы бросьте третью горсть туда, к горе Масис,
Пусть, как мечта, святым навеянная чувством,
Те семена, взлетев, не возвратятся вниз,
К заснеженной груди прильнув горячим сгустком.

И горсть четвертую вы бросьте на простор —
Горсть чистых помыслов, стремлений к светлой цели,

Пускай летит туда, где встал поселок Норк,
Чтоб новой песни там ростки зазеленели.

Горсть пятую свою должны вы бросить ввысь,
В дар духу нашему, который в муке крестной
Когда-то породил возвышенную мысль,
Безбрежную мечту, что стала этой песней.

Пусть будет дар шестой, о сеятели, щедр —
Он праху прошлого почетной будет данью.
Так бросьте эту горсть, и вы из темных недр
Услышите в ответ далекие рыданья.

И зачерпните горсть в седьмой, в последний раз,
Рукою щедрой дар рассыпав шестикратный,—
Засейте свой надел, тоскуя, что без вас
Придет желанный день его грядущей жатвы.

11 февраля 1933 г.

СЕМЬ ЗАВЕТОВ ПЕВЦАМ ГРЯДУЩЕГО

Прошедший множество земных путей и нив,
От мудрости плода вкусивший сок горчащий,
Я семь заветов вам передаю своих,
Певцы грядущих дней, великих дел земных
И славы будущей, что станет настоящей.

Вот первый мой завет — я шлю его как весть
Из глубины веков для вас и ваших внуков:
Слагая песнь свою, вы помните, что песнь
Родится из земли, а не из слов и звуков.

Вот мой второй завет — пусть каждый сохранит
Его в душе и вспоминает чаще:
Песнь — русло и река, она — копье и щит,
Добро, бесценный дар, нам не принадлежащий.

Певцы грядущего, времен извечный ход
За вами следует, — итак, завет мой третий:
Страну рождает век, он песне жизнь дает,
Но песнь переживет и страны и столетья.

И как бы ни были прекрасны времена
И век ваш величав, — не пожалев усилий,
Посеять вы должны такие семена,
Чтобы они его на годы пережили.

И знайте: нет труда милей и тяжелей,
Чем пахота души. Вначале было слово,
И слово было труд, усилие людей,
И песня с ним была — добра первооснова.

Итак, копьем души вооружась, чуть свет
Трудитесь, пахари, трудитесь терпеливо,
Посейте звуки здесь, на пашне прошлых лет,
Во имя завтрашней благословенной нивы.

И вот еще одно запомнить те должны,
Кто, книгу прочитав, задумался об этом:
Для песни, что грядет, заветы не нужны —
И это будет пусть моим седьмым заветом.

16 февраля 1933 г.

* * *

Все, что имел издревле твой народ
Прекрасного, высокого, святого,
И все, что в эти дни в груди его живет,
Он все вручил тебе — мечту свою и слово,

Чтоб, полный верою, с эпохою своей
Ты все это связал узлом нерасторжимым
И, протянув мечте грядущих дней,
Остался навсегда великим и любимым.

10 августа 1933 г.

ГИМН НАШИМ ВЕЛИКИМ МАСТЕРАМ

Дорогому Микаэлу Мазманяну

Вы били горный туф, кололи мрамор свой,
Вы всех земных пород одушевляли твердь.
Вы ткали песни лад, шли в пламень боевой,
Вы воинам тупым провозглашали смерть.
Пред вашим гением склоняюсь головой,
Одевшим в цвет и звук земную нашу твердь.

Вы строили мосты, и башни, и дома,
Скрепленьем ваших дуг круглится Арарат.
И помнит ваш чекан Аравия сама,
И готика горда разлетом ваших врат.
Блеск мастерства горит, — священный жар
ума.
Вам суждено, творцы, бессмертие стократ.

Во всех краях земли, в осколках и кусках,
Иссечены резцом, куда ни кинешь взор,
Глухие имена, забытые в веках.
Вы с бренностью своей не затевали спор.
Вы молча строили. И топчем мы в песках
Следы глухих лачуг, подземных ваших нор.

Чутье и глазомер вам открывали суть
И подарили смысл материи земной.
Позвольте же и мне вершины досягнуть,
Найти гармонию, не знаемую мной.
Внушите слову мощь и покажите путь,
Ведущий к мастерству, что дышит глубиной.

Хочу, как ученик, внимать вам без конца,
И строки вырезать сеченьем золотым,
И рифмы сдваивать, как цепью, в два кольца,
Их, как алмаз, гранить по правилам простым.
Пусть башнями встают деяния певца,
Под солнцем времени одеты в росный дым!

Проснулся ли во мне ваш грозный дар сейчас?
Я ли последний ваш потомок, мастера?
Вот книга, отблеском бессмертия лучась,
Всем трудолюбием моих отцов остра.
Услышьте, мертвые! Так проклинаю вас, —
Печать свою на мне прожгите, мастера!

6 июня 1934 г.

РУБАИ

Над миром наших дум, надежд, сомнений, книг
Немеркнущим огнем сверкает солнца лик.
И тот огонь, к добру и злу равно бесстрастный,
Наш каждый творческий воспламеняет миг.

Волненье наших дум — в напевах наших муз.
Меж веком и мечтой в них закреплен союз,
И тем возвышенней звучат напевы эти,
Чем неразрывней мощь взаимных этих уз.

Твой дух не заключить в оковы, человек,
Когда его в броню облек великий век.
Свободно вознесясь, несокрушимой верой
Он будет провожать веков грядущих бег.

Поэт приходит в мир с пучком незримых стрел,
Чьим пеньем наполнять наш слух — его удел.
Но не стрелы размер творит его величье,
А лишь мишеней тех, что взяты на прицел.

Раздумий ручейки, чей сокровенен бег,
В тебе сливаются в потоки мощных рек.
Не так же ль на земле рождаются потоки
Из тысячи ручьев, не сохнущих вовек?

Мечтали страстно вы, певцы былых времен,
Что в светлый будет сад наш мир преображен.
Мы к долгожданным дням приблизились,
но помним
Ваш благородный труд и благородный сон.

1934

ДИСТИХИ

*

Утро зардело над миром, когда уже был ты поэтом.
Время — за полдень. Теперь — должен ты стать
мудрецом.

*

Бури мудрец устрашился. Не уразумел он, что это
К обожествляемой им дивной гармонии шаг.

*

В жизни дисгармоничной искал гармонии Гете, —
Так не сизифов ли труд взять он хотел на себя?

*

Как свою душу ковать, чтобы в ней воплотилось былое,
Но в настоящем она стала всех новшеств новей?

*

Данте, Гомер и Пушкин, вчера вы засеяли поле.
Вам же принадлежит жатва грядущего дня.

*

Нимфы, свирели и арфы. . . Но разве в ручье Аполлона,
В этом прозрачном ручье, не было ила и слез?

*

Если ты жизнь исчисляешь со дня своего рожденья,
В день кончины твоей этот закончится счет.

*

Если ты хочешь прожить на свете дольше мгновенья,
Мни себя только звеном, — не головным, не в конце.

*

Чувствами век мой богат, и думами, и делами.
Мог лишь слепец иль дурак нищим остаться у нас.

*

Много раскрыли мы тайн, что вчера были темной
загадкой,
Жизнь оттого не скучней, стала лишь глубже она.

*

Сколько сложнейших вопросов, неразрешимых когда-то,
Просто разрешены в непримиримой борьбе!

*

Понял ли ты наконец, что вопрос содержанья и формы —
Хлеба вопрос и земли? В битвах решается он!

*

Век наш нам вексель дает, а уплату попросят потомки,
Суд их потом разберет, кто оказался банкрот.

1934

БЕЙТЫ

*

Ты пел, Хафиз[1]: превратятся в прах и шах и его рабы.
Так почему ты любил любовь и брал дары у судьбы?

*

Ты многих шахов позолотил своим пером, Фирдуси! [2]
Никто из шахов не отплатил тебе добром, Фирдуси!

*

Слова твои — золотая ткань, всеславный Саят-Нова [3].
Ты не имел ни меда, ни яр, бесправный Саят-Нова.

*

И золото, и алмазы слов ты в ряд нанизал на нить.
Одной возлюбленной опален, ты всех пришел опалить!

*

Шах пред тобою и нищ и наг, столь чтимый Саят-Нова.
Народ щедрее слуг не имел, чем ты, мой Саят-Нова.

16—18 апреля 1934 г.

---

[1] Хафи́з (1300—1389) — персидский поэт.

[2] Фирдуси́ Абу́ль Каси́м (Фирдоуси́; 934 или 941 — ок. 1020) — персо-таджикский поэт, автор эпопеи «Шахнаме» («Книга шахов»).

[3] Сая́т-Нова́ (Арути́н Сая́дян, 1712—1795) — армянский поэт, ашуг, писал на армянском, грузинском и азербайджанском языках.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ОСЕНЬ

Такая осень нас еще не посещала,
Как воины вождю, мы покорились ей.
В ней мудрости исток, иных поэм начало,
И клич ее — борьба во имя новых дней.

Осенний ветер к нам ворвался ратным зовом,
Пронесся в небесах воинственной трубой,
И ливни обдают дыханием суровым. . .
Я силами готов помериться с судьбой.

Мерещится, что дождь оплел чуть видной сетью
Вселенную и нас, и мы теперь — одно.
Но взбушевался лес недаром на рассвете,
И нынешнюю грусть согнать ему дано.

Шуршащий листопад, не смерть и не томленье —
Ты возвещаешь мне величие труда.
Ты молодость и жизнь, источник вдохновенья, —
Я осени такой не видел никогда.

1934

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

Глубок и холоден, искусен и учен,
Истории свое питая вдохновенье, —
Когда постигли нас и скорбь, и разрушенье,
Ты с нами был, в чаду неистовых времен.

Печален был наш дом, погасло оживленье,
Наш путь — в те злые дни за мглой терялся он,
Казалось, гений наш лежал в реке забвенья, —
Но ты смотрел вперед, страданьям не смущен.

Ты смело бросился в водоворот бездонный,
И восхитил тебя во тьме таимый клад,
И, мудрый плаватель, открытьем опьяненный,

В стране, где до поры господствовал разлад,
Народа-гения ты вынес дар бесценный,
И память о тебе останется нетленной.

1934

МОЯ УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Рано-рано проснись поутру,
Чуть рассвет затеплится — встань
И увидишь звезды голубой игру,
Осиявшей раннюю рань.

Так же имя твое в былом
Засияло, Чаренц, светло.
Что за бездна его поглотила потом?
Что звезду с высоты свело?

Нет, не солнца горячий луч
В ранний час погасил звезду.
До зари еще темное воинство туч
Поднялось тебе на беду.

И звезда погасла во мгле,
Закатилась в бездонный провал.
Жажда песни томила сердца на земле,
Но Парнас
Без тебя ликовал.

1936

* * *

Оставив мир, забыв себя,
Живу тоской воспоминанья,
Вновь о тебе пою, скорбя,
Моя любовь, мое страданье.

Ах, песня у любви одна,
Но так полна она тревоги,
Так глубока, что нет в ней дна,
Как нет конца моей дороге.

И ты поешь в душе моей,
Не умолкая, не стихая,
О скорби уходящих дней,
Бесценная моя, святая.

Как время, бесконечна ты,
Нет речи у тебя, молчащей,
И все возвышенней мечты,
Все глубже ты, подобно чаще.

1935

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг в мой трудный век,
Когда все рушилось, что камня и металла
Веками почитал прочнее человек.

Я памятник себе воздвиг из вещих дум
И песен яростных, звучавших в сердце века,
Как бури роковой неукротимый шум.

Я в Карсе был рожден, и хоть Ирана зной
Жег душу, как тоска по родине прекрасной,
Стал родиной моей весь этот мир земной.

1 декабря 1934 г.

МОЕЙ МУЗЕ

(Рондо)

Ты — чистая любовь, мой меч, мое спасенье,
Единственный огонь во мраке трудных дней,
Надежда светлая, сестра души моей.
Даруемое мне тобою вдохновенье —
Прибежище мое и радость жизни всей.
Не расставалась ты со мной ни на мгновенье,
Делила все со мной по доброте своей:
И раны, и цветы, и жар моих страстей.
Ты — чистая любовь.

Как для не знающих земных забот детей
Прыжки и карусель в стремительном круженье,
Как лира для певца, сроднившегося с ней,
Как сабля острая для воина в сраженье —
Всего дороже мне твой свет во мраке дней,
Ты — чистая любовь!

1937

БАЛЛАДА О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ, МУЖИКЕ И ПАРЕ САПОГ

1

За красной линией —
полчища врагов.
Телефон
шифр
выкашливает с фронтов.

По телефону волненье течет
в Кремль,
коммутатор
в кабинет Ильича
сообщенье подает.
Во весь рост встает.
Вести бегут,
летят сгоряча,
врываясь
в огненный мозг Ильича.

А он сидит
у письменного стола.
Читает,
распоряжается,
пишет,
и мысли разят,
как тяжелый кулак.
Насупил брови,
мозг напряг,
все — знает,
все — видит,
все — слышит!

Полушарьем земли
блестит в лучах
огромный лоб Ильича.

Упорствует враг — воевать
надо!
Красную Армию организовать
надо!
Воспитать рабочих и крестьян
надо!
Подумать о новом сборе семян
надо!
Книги нужны,
журналы нужны.
Выкуем профессоров
для рабочей страны.
Каждая кухарка
научиться должна
тобой управлять,
страна! . .
Надо! . . Надо! . . Надо! . .
За красной линией —
полчища врагов.
Телефон
шифр
выкашливает с фронтов.

2

Вести летят,
вести бегут,
время, как вихрь,
как самум. . .
Как мало времени!

Но что это тут,
в комнате рядом,
шум?
Секретарь горячо
убеждает кого-то,
что занят Ильич
по горло работой.
Зол секретарь,
проситель — упрям,
Ильич неслышно подходит к дверям.
Слышит:
просит о чем-то мужик,
бьет себя кулаком в грудь,
боек у мужика язык.
Слышит:
прошел он огромный путь.
Слушает чутко Ильич.

Э-эх, мужик! Вот тут и толкуй, —
пара сапог нужна мужику!
Пошел к другим —
никто не помог,
просто сказали: «Нет», —
ну и пошел к Ильичу на совет.
Волнуется секретарь,
убеждает уйти;
стоит мужик
поперек пути,
не сдвинешь с места его —
беда!
Стоит, как скала,
ни туда ни сюда.

Слушает Ильич,
усмехается слегка.
К ручке двери
протянулась рука.
Дверь распахнул
и выходит вдруг:
«Э-э, чего расшумелся, друг?
Зачем приехал?
Откуда, брат?» —
«Из Сибири пришел». —
«Зачем?» —
«Делегат!
Пятый месяц
как пришел из села,
сын в Красной Армии, —
я сам послал».

«Земля-то есть?» —
«Теперь получил». —
«Зачем же пришел?» —
«Косилку просил,
получил косилку,
да тут у меня
вопросик один. . .»
Смеется. . .
Слушает чутко Ильич.

Э-э, мужик! Вот тут и толкуй, —
пара сапог нужна мужику!
Пошел к другим, —
никто не помог,
просто сказали: «Нет», —
ну и пошел к Ильичу на совет.

Смеется громко Ильич,
лукавый в глазах огонек.
За руку взяв мужика,
говорит: «Погоди, дружок».
Потом берет бумаги клочок
и пишет на ней Ильич:
«Кому надлежит —
выдать крестьянину пару сапог».

Э-эх, мужик!
Сапогам он рад,
берет бумажку,
идет назад.

3

За красной линией —
полчища врагов.
Телефон
шифр
выкашливает с фронтов.
И снова Ильич за письменным столом,
а время летит,
как самум.
И снова свет
над огромным лбом,
отяжелевшим от дум.
И снова мысль —
разящий кулак, —
удар ее неотвратим.
Он тысячу тысяч мыслей напряг,
и что устоит
перед ним!

Э-эх, мужик! Вот тут и толкуй, —
пара сапог нужна мужику,
он и пошел к Ильичу прямиком, —
ну, и был принят Ильичем.
А подумал ли ты, мужик, о том,
что, пока ты беседовал
с Ильичем,
вся страна его поджидала,
что для Ильича
нашего времени — мало? . .

1924

ДЯДЯ ЛЕНИН

1

В этот вечер отец возвратился с завода с винтовкой.
Был он строг, даже мрачен, обычно веселый такой.
Сын к нему подбежал и полез на колени неловко.
Но отец отстранил его доброй и жесткой рукой.

Молча сели за чай. Молча пили. Молчали и пили.
И куда-то смотрел — через голову сына — отец.
И с лицом почерневшим от гари и въедливой пыли,
наконец, он поднялся и слово сказал, наконец.

Он тряхнул головой и чуть-чуть улыбнулся: «Вот так-то...»
А потом он добавил: «Ну, только не плакать, жена».
А потом сжал кулак: «Снова лезет с войсками Антанта!
Повозиться придется, но армия наша сильна.

Был Деникин сперва, а потом Колчака мы громили.
А теперь вот поляков Антанта на нас повела,
но рабочие руки побьют ее снова, как били. . .»
И отец, разойдясь, говорил, говорил у стола.

Вспоминал о царе, о буржуях, о битве в июле,
а когда он сказал о победных боях в Октябре,
то в глазах его искры. . . нет, жаркие угли сверкнули,
нет, не угли — а словно два солнца взошло на заре.

Нет, не солнце — гроза,
не гроза — две гранаты, два взрыва
были эти глаза,
устремленные вдаль горделиво.

И отец —
наконец! —
взял сынка, усадил на колени:
«Понимаешь, Иван, завтра нас провожает
сам Ленин! . .»

. . .Ночь текла за окном.
Спал отец.
Но всю ночь непрестанно
полыхало огнем,
билось детское сердце Ивана.

2

Кем он был, наш Иван?
Да о нем ли рассказывать долго!
Ну, обычный мальчишка, с глазами синее, чем Волга;
белобрысый, вихрастый — обычный
мальчишка фабричный,
русский мальчик, рабочего сын,
к революции с детства привычный.

Побывал он с отцом
на рабочих собраньях завода,
собирал он юнцов
и водил на задворках «в походы».
На буржуев водил,
добывал за победой победу,
оседлав сучковатую палку — сокровище деда.

И все в жизни его было ясно и просто:
подрасту, мол, достигну отцовского роста,
подрасту, поживу, мол,
шофером, нет, летчиком стану.

И буржуев добью, мол,
с аэроплана! . .
Но сегодня Ивану
ночь не в ночь, сон не в сон.
Завтра едет с винтовкой отец воевать,
завтра будет сам Ленин опять провожать,
ну, а он-то, Иван,
как же он?

Неужели сидеть ему дома велят?
Неужели не пустят: «Подрасти, маловат! . .»
Он ведь Ленина знает!
Знакомый, родной
Ленин смотрит с портрета
из ниши стенной.
Смотрит с теплой улыбкой, совсем как живой,
а на скольких плакатах рисуют его
рядом с Марксом!
Недаром отец столько раз
их показывал сыну — двух великих людей,
даже есть в букваре — вот открой хоть сейчас —
два портрета знакомых рабочих вождей.
А под ними — их песня,
зовущая в бой миллионы:
«Вста-вай,
про-кля-тьем
за-клей-менный. . .»
И отец говорил, гладя сына рукой:
«Да, сынок, Ленин умный и храбрый такой,
что, как в мире ни много прекрасных людей,
как, сынок, ни широк белый свет,
а второго такого, как Ленин, нигде
нет».

Вот какой, значит, Ленин!
И он говорить
будет завтра отцу, как бороться и жить,
и отец будет, стоя невдалеке,
слушать Ленина, слушать с винтовкой в руке.
Да не чудо ли это?
Ну, а он? Как же он? . .
На глаза паренька опускается сон. . .

Паренек засыпает, сдвинув крылышки тонких бровей,
с первым твердым решением в жизни своей. . .

3

Он проснулся в испуге — отца уже не было дома.
Побыстрее оделся и вышел.
Какой-то отряд
шел, сверкая штыками, — Иван не увидел знакомых,
но пошел чуть поодаль, шагая с рабочими в лад.

Вот и Красная площадь!
Бушует она и рокочет,
словно здесь
целый мир
на рабочий собрался парад.
Как отца отыскать?
Все мужчины — в одежде рабочей,
штык плывет за штыком,
за плакатом алеет плакат.
А с мужчинами жены
в косынках идут, в полушалках. . .
Попытался он парню в кожанке
на плечи залезть сгоряча,

но пришлось убедиться,
что парень — не дедова палка:
дал щелчка,
да еще пригрозил, недовольно ворча.

Вдруг как будто прибой
через Красную площадь плеснул
и разлился, знаменами алыми вспенен.
Пожилая работница
тихо сказала: «Вот Ленин!»
И соседу сосед
то же имя негромко шепнул,
и от этого вдруг
родился нестихаемый гул:
«Ленин, Ленин. . .»

И решился Иван — будь что будет! —
тому же, в кожанке, соседу
сунул ногу в карман,
ловко прыгнул на плечи
и не медля отметил,
свою торжествуя победу:
тот не только не бросил его,
но, кажись, и не злился совсем!

И как будто весь мир подарили Ивану.
С трибуны —
да, с дощатой трибуны, которая очень близка, —
Ленин речь говорит, обращаясь к солдатам коммуны,
к уходящим на битву рабочим войскам.
Над штыками, что встали стальною стеной,
Ленин руку простер,
как с портрета, висящего дома.

Вот он — рядом, знакомый родной,
даже голос его
показался Ивану знакомым.
Показалось Ивану — и это на правду похоже, —
что и Ленин его хоть немножечко знает, быть может,
может, знает, что мальчик, играя, буржуев сражает,
и, наверно, Ивана за это вполне одобряет.

Ну, а если все так,
то сегодня — немедленно даже! —
он пойдет к Ильичу
и глубокую тайну расскажет.
Все расскажет:
как станет он летчиком, крылья расправит,
а пока пусть Ильич и его бить Антанту отправит.
Так, на близкого Ленина глядя, мальчишка мечтал.
Вдруг окончилась речь и громово взметнулось «ура»,
он кепчонку сорвал и, как все — громче всех, — закричал,
и рабочее знамя взметнулось, как пламя костра,
и ударил, как буря, над миром «Интернационал»...

Все победней, все шире
гремел «Интернационал».
Знал Иван эту песню
и видел: в огромной толпе
все стояли без кепок, и Ленин без кепки стоял,
пел и Ленин со всеми, и с Лениным мальчик запел.
А толпа превратилась в прямые квадраты колонн:
то отряд за отрядом на бой посылала Москва,
и знамена, знамена со всех волновались сторон,
и мальчонка читал по складам на плакатах слова.

...И увидел Иван в ту минуту отца, наконец.
Жаль, к нему не пробиться — отряды идут без конца.
Все на Ленина смотрят, на Ленина смотрит отец,
Ленин смотрит на всех и, как всех, провожает отца...

А Иван все мечтал: вот он вырос, и, гордый собой,
он идет среди летчиков, плечи расправив свои...
Он мечтал и не знал, что Ильич в те минуты на бой
провожал и его, — начинались надолго бои!

1924

ЛЕНИН И АЛИ

1

Есть город такой — Москва.
Говорят, что город тот
велик и необыкновенен.
Говорят, что он главнее даже Мекки,
потому что нет на свете человека
большего, чем Ленин,
а Ленин в Москве живет.

Далека от Трапезунда до Москвы дорога.
Да и кто же через море пешком пойдет!
Вот когда бы золота было хоть немного,
мог бы сесть Али́ на пароход.
Если много золота — поезжай в каюте,
если мало — можно ехать в трюме,
но то и другое — все равно по сути;
главное — доплыть до города Батуми.
А оттуда едут до Тифлиса люди,
а потом — Ростов,
нет, Баку сперва,
а потом пойдешь, пойдешь — и будет,
наконец, Москва!
И живет там Ленин,
который так велик,
как самый великий халиф,
но он такой халиф,
что глаза его добры,
что он понимает сердцем
жизнь бедноты — фухары! ..[1]

—————

[1] Фухара́ (тур.) — бедняк.

Вот потому-то на корабли,
исчезающие за синевой,
взглядом влюбленным смотрит Али —
лодочник портовой.

Корабли уплывают в широкий мир.
Руки Али устают,
и за это пять с половиной лир
в месяц ему дают.

Он гребет и гребет по волнам без конца,
вместе с солнцем нужно ему вставать
и грести,
не стемнеет пока,
а хозяин-ага [1]
любит гребца
погонять,
погонять,
погонять,
как вьючного ишака.

А что же любит Али,
кого он любит — Али?
Любит он корабли,
исчезающие вдали.

Но больше всего Али
любит, любит до слез,
Ленина светлый портрет,
который привез матрос.

---

[1] А г а́ (тур.) — господин, старший, начальник.

В лодке своей вез
Али матроса тогда.
Спросил у матроса Али:
«Ленин большой халиф?»
Урус отвечал: «Да».

«Очень большой, чок? [1]»
Урус отвечал: «Да,
соображай, паренек:
если Ленин — вар [2],

то буржуй — ёк [3],
если Ленин — есть,
то буржуя — нет.
Буржуй, то есть занги,
то есть толстый ага,
буржуи, то есть враги.
Ленин есть — нет врага!»

Понял с тех пор Али:
да, Ленин — большой халиф,
он больше любой горы,
но он такой халиф,
что знает жизнь фухары.
И знает и любит с тех пор
далекого Ильича
Али — портовой гребец,
тоненький, как свеча.

———

[1] Чок (тур.) — очень.

[2] Вар (тур.) — есть.

[3] Ёк (тур.) — нет.

2

Траурный этот день
всю землю в печаль одел,
из дальней Москвы идя.
И каждый рабочий в мире,
казалось, осиротел:
закрылись
глаза
вождя.
Компартия в этот день
сжималась в большой кулак,
чтоб оградить людей
перед лицом беды.
В Москве, в Тбилиси, в Баку —
что бы ни думал враг —
были, как сталь, тверды
большевиков ряды.
Советский народ-великан
у траурного кумача
поклялся рабочим всех стран
идти
по пути
Ильича.
В антенны врывалась волна,
летя над простором земли,
и долетела она
до порта, где жил Али.
В тот день руки Али
от весел совсем затекли.
Каждый мускул болел,
ныл и тянул домой:
«Хватит, мол, нам, греби
к дому, хозяин мой».

3

Был вечер.
Прибрежной кромкой
плелся Али домой.
И вдруг увидел матроса,
пошел за ним по пятам,
чтоб руку пожать и громко
урусу сказать «Салам!» [1]**,**
чтоб руку пожать и тихо
всем сердцем и всей душой
сказать матросу по-русски:
«Ленин карашо. . .»

Но в глазах у матроса
как будто погас огонек,
на море взглянул он косо
и выдохнул:
«Ленин — ёк».
И все.
И больше ни слова.
Ушел.
В порту — тишина.
А на Али сурово,
а на Али штормово
обрушилась горя волна.

4

Ночь.
Трапезунд во сне.
Пес ни один не лает.

—————

[1] Салам (тур.) — привет.

Лишь полицейский плетется,
как пес, от стены к стене —
улицу охраняет, —
да черные сосны дрожат,
как будто ночь сторожат,
да среди сосен в пыли
крадется гребец Али.
Куда?

Вот знакомый дом —
серп и молот
на нем.
И толстяк полицейский,
плечи вобрав, как трус,
проходит вдоль дома,
вдоль вывески:
«Консулат рус».

Прошел полицейский за угол. . .
От сосен к дверям два прыжка,
Али нажимает кнопку
дверного звонка.
Где-то звонок трепещет,
гулко трещит вдали,
но громче звонка сердце
бьется в груди Али.
Дверь открывается.
Сторож,
видно, еще не спал.
Сторож бывал на взморье,
сторож гребца узнал.
«Консула?
Но ведь за полночь.
Иди-ка домой, паренек. . .»

И вдруг появляется консул...
«Ленин — ёк?»
И, головой поникнув,
консул стоит в тишине...

И скорбно Али уходит,
как тень скользя по стене.

Ждут его завтра весла,
бредет Али, как во сне,
и плачет беззвучно средь ночи
всем сердцем и всей душой
и почему-то по-русски
бормочет: «Нет карашо...»

5

Что еще?
Ничего...
Но над ширью земли
встанет новое утро в рассветных лучах:
— Привет архадашу [1] Али!
— Победа пути Ильича!

1925

---

[1] Архада́ш (тур.) — товарищ.

БРОНЗОВЫЕ КРЫЛЬЯ КРАСНОГО ГРЯДУЩЕГО

Весь мир скрежещет и звенит,
Скрежещут и звенят над планетой
Бронзовые крылья Красного Грядущего.

Как железный буревестник,
Наша собранная воля летит
В земные пределы —
И победоносно скрежещет
Железными крыльями
На ближних и дальних полях битв.

Наша собранная воля
Реет под яростным солнцем,
Словно гигантское алое знамя,
От багряного, кровавого света которого
Каменные города, допотопные и омерзительные,
Словно быки, обезумев от ужаса,
Поднимаются на дыбы,
Роют копытами землю
И ревут на весь мир —
Они разносят по всему свету
Дикий страх,
Который отзывается в наших багряных сердцах,
Словно сама победа
И песнь славы.

О, мычанье этого безумного ужаса...
О, истошный вопль предсмертной агонии
И неистовая тревога
Древних, ветхозаветных

Каменных городов,
Омерзительная тревога. . .
О, этот ужас безнадежности,
Мычание умирающих быков
На гигантских аренах, —
О, этот ужас безнадежности,
Что в нашем сердце,
В стальной нашей груди
Превращается в алое, ликующее пламя. . .

Вопят сегодня газеты
Со всех тротуаров мира,
И победоносные радиостанции,
И бронепоезда,
И фабричные гудки.
Свист крыльев самолета,
Шорох стершихся автомобильных шин,
Ленивые толпы пушек
Возвращаются с кровавых полей,
Словно толпы забастовавших рабочих
Спешат по домам вразвалку.
Вопят
Фанатические грозовые дни,
Так вопит лишь тревога,
Агонизирующая, неутолимая, безнадежная,
Вопят — и доходит этот вопль
Из Лондона — в Париж — и
На Цейлон — в Индокитай. . .

Натянуты сети,
Невидимые железные сети,
Всюду сети по бескрайней земле, —
От души к душе,

От города к городу —
Красные, яркие сети. . .

Это наша собранная воля
Так мощно подчиняет себе весь мир —
Наша воля крылата, как буря.
Непобедима, упряма, как время.

Это я, — брат мой, — друг мой, — о, нет!
Это — моя воля, твоя воля — и еще, и еще
Тысячи и тысячи могучих воль.
И еще, и еще,
И еще, и еще,
Душа моя, чувствуешь:
Моя душа и его.
Душа далекого неизвестного друга
Полна одной и той же солнечной думой.
И еще, и еще,
И еще, и еще —
Всюду сейчас,
Во всех краях света,
Из Москвы — в Париж,
Из Лондона — в Рим. . .
До — Индокитая. . .

Предсмертное мычание пушек,
На поле боя танки
С окровавленными гусеницами,
Они словно отверстия
В стальной броне. . .
Ненасытная жажда пулеметов,
Молчащие гудки заводов. . .
Дни, одетые в железо и медь,
Что бомбардируют нас, как самолеты.

Дни, что роняют зажигательные бомбы
И улетают —
Куда? . .

В бескрайних степях — Красные Армии,
Вымершие города и безлюдные села.
В тумане дней — тревога и воодушевление,
Стиснутый кулак и золото,
Кровь и холодное железо,
И тревога, черная, ненасытная, алчная.
Словно чудовище желтое, многоглазое, —
И над завьюженным миром
Скрежет алых бронзовых крыльев,
И моя новая песня должна возвестить
Завтра всей планете впервые
О нашей летящей тоске ненасытной,
Вечной.

И те, кого еще и на свете-то нет,
Те, кто еще только будет жить на свете,
Те, кто только еще грядут, —
Пусть, если сумеют, наш этот полет
Не воспринимают с тоской. . .

Те, кто должны жить на свете
В Красном Будущем. . .
Те, кто только еще, только идут. . .

1920

ЧАРЕНЦ-НАМЕ

Вашу мысль увлеку сегодня
Я, каменных песен певец,
Бездомный и голодный
Поэт — Егише Чаренц.

Я покинул отчизну рано,
Моя родина — ханский Маку.
В груди моей солнце Ирана,
Я расстаться с ним не могу.

В крови моей небывало
Горит Наири тоска...
А мозг мой алым-алым
Огнем накалила Москва.

Запах роз опаляет грудь мне,
Мой мозг пылает в огне...

А теперь послушайте, люди,
Чаренца шах-наме...

1

Словно солнце огненное, из Маку
Переброшенный в Наири,
Оттуда в Москву, —
Ныне жизнь свою
Солнцем,
Кровью,
Золотом
Я пою.
Каким чудом сегодня мне
Повернуть колесо моих дней?

Пусть песнь моя
Уносит вас —
В Наири,
В детство —
В Карс. . .

Я в Карсе
Опять,
Опять. . .
С опущенными губами ребенок,
Я снова
Вижу мать:
Груди —
подобие двух воронок. . .

Еще душа моя, как стрела,
Спокойно лежит на луке дней.

Вдали грустно звонят колокола. . .
Вот отец, в неизменной чухе [1] своей. . .

Лицо как серебряное блюдо,
Точно нож кривой — его нос,
Время посыпало пеплом груду
Черных его волос.

В своем лечаке [2] с рассветом
Идет за водою мать. . .
Слышен свист наирского ветра. . .
Хочется громко кричать. . .

———

[1] Чуха́ (арм.) — верхняя крестьянская мужская одежда.

[2] Леча́к — головной платок, косынка.

И душа, протянув ладони рук,
Подобно ребенку-сироте,
Просится вдаль, на солнечный юг,
Где солнца диск блестит в высоте...

А когда моя мать
Снег волос своих ранних
Покрывала отблеском хны золотым,
Мне казалось — до самого Тегерана
Могу я дойти по ним...
В Индокитае очутиться...
Овладеть сокровищами шахской
казны...

Детство...
Златокрылая птица.
Желтоватое золото хны...

2

Под солнцем спелым и грузным
Я родился в Маку золотом,
Под жарким крылом Ормузда,
В 1897-м.

Рассыпало солнце Ирана
Ширазские розы в груди,
Но ветер наирский рано
Грусть в сердце разбередил...
И едва глазам моим солнце открылось,
В старый город
Тем ветром я был унесен...
В бесцветном Карсе я вырос,
Вдали от родных сторон.

Еще спали глаза с дороги,
Когда древняя наша тоска
Обняла меня на пороге,
Словно старый верный слуга.

(В нашем доме он вырос когда-то,
Жил у деда еще и вот
Ныне, старый, подслеповатый,
Ждал, когда его бог приберет.

Мы «апи» его звали. Бывало,
Брал меня погулять старик.
Помню, все проливал и ронял он
И клялся душой Наири.)

Эта грусть в старом доме отцовском,
Точно кошка мурлыча, жила,
Но душа мечтала о солнце,
Улыбаясь, света ждала.

Эта грусть, что затмила смолоду
Солнце детства, сиянье дня,
Точно старый учитель, в школу
Однажды свела меня.

И на холсте моей памяти,
Скрыв Иран и солнце, она
Начертала дыханьем пламени
Старинные письмена.

(Мог ли знать я,
Что этих письмен поток
Для крыльев моей души

Откроет в грядущем
В положенный срок
Небес бескрайнюю ширь!

Чтобы потом,
Через горы дней,
Тысячекратно все вернуть,
Дав белым холстам
Моих кораблей
Солнце и ветер в путь!)

Мое тихое детство,
Излучавшее свет
Небесной голубизны,
Ты как озеро
На серебряном диске луны,
Было —
И вот тебя нет!
Слабый свет твой погас,
Не успев сверкнуть...
Да и было ли ты
Когда-нибудь?

3

И вот я не мальчик, а юноша
Четырнадцати лет.
Теперь, подруга юная,
Буду петь твой далекий светлый след...

Астхик — это имя
Храню с тех пор
В горячем сердце моем.

Как парус,
Летящий в морской простор,
Пусть оно останется в нем.

О, как часто,
Чтоб душу согреть теплом,
Возвращался я в мыслях назад,
Вспоминал час за часом,
День за днем
Карса зеленый сад...

Вспоминал я —
Что?
Сам не пойму...
Того лета
Улыбку твою
Несмелую,
Бескрылую...
Рубашку мою
Помнишь — белую?..
Не помнишь?

Ах, да что там в памяти рыться?
Нет ничего.
Все исчезло в тумане.
Осень
Унесла с собой листья —
Желтые бабочки воспоминаний.

Прости меня,
Ты была лучшей,
И ты излучала
Чудесный свет...

Но я был лишь глупым юношей
Четырнадцати лет.

4

И
Вот —
Двенадцатый год —
Помню этот миг,
Свой первый поцелуй
Отдал
Тебе, Астхик...

Нет крыльев у памяти!
Иран...
Я хотел его пламени...
Роз Шираза, краснее ран...
Но нашел...
Распростертое...
На постели...
Холодное тело...

Прости,
Астхик Кондахчян,
Мой светлый друг, прости...
Я
В жизни
Прошел
Много разных стран,
Но оставленного
Не возвратил...

Дорогая,
Светлая
Астхик,
Прости,
Прости,
Прости...

5

И в том же году,
Между другими
С миром сердце мое примирив,
Еще одно
Появилось имя,
Это имя —
Страна Наири.

Появилось.
Наверно, до этого не было.
Наверное, не было роз.

Явилось,
На плечи мне положив
Бесконечной печали груз,
Показалось —
Вижу
Во мгле бездорожья
Голубую девушку солнцеокую...
На древнюю пыль была похожа,
На совесть в кровоподтеках...
Были желтые раны
На губах ее, белых как мел...
Сердце ей отдал сразу,
Воспеть ее
Захотел...
. . . .

6

О песни первые мои,
Вас
Вспоминаю —

«Три песни»...
Кондахчян Астхик...

Я пепел совести моей
Разворошу на миг —
И никогда
В прошедшем
Не раскаюсь...

7

Я и сам не знаю,
Как случилось,
Что в конце пятнадцатого года
Я из сада в Карсе
Очутился
В армии, готовый для похода.
Доброволец.
Войско армян.
Винтовка. Пушки. Бомбы.
И вот — виноградники Вана.
И вот — Рубен, Вардан.

И вот друзья новые:
Из Нью-Йорка, Турции, Басена.
Смерть,
Смерть,
Смерть —
И никому нет спасенья —
Ни воину, ни девушке, ни женщине...

Я думал, хоть на миг
В этом огненном окруженье
Найду твой светлый лик...

Но нашел только трупы стынущие
И увидел землю одну,
Которую ты покинула,
Спасаясь от черных пуль...
И спустилась тоска старинная
Всей тяжестью мне на грудь...
И как чудо блеснул передо мной
Твой неуклонный путь...

8

(И кому какой интерес,
Что в те дни в Тифлисе оповещенье
Напечатала типография «Прогресс»
О руке моей, сломанной при паденье?
И «Гир» на витрине, серой от пыли,
Книжонку малюсенькую положил...
Кому в сердце стихи мои
Боль заронили?
Кого тронул строк моих
Дантовский пыл?)

9

А
Потом
В пятнадцатом году,
Когда я по Москве бродил,
Я почувствовал ужас
И, точно в бреду,
Трепет могучих крыл...

Казалось,
Последний мира шатер
Встал предо мной,
Но вновь поднялся
В небесный простор
Иранского солнца
Щит золотой...

В душе зажглись средь темноты
Огни ширазских роз...
О сердце мое, запуталось ты
В прядях девичьих волос...

Проснулись года, как заржавший табун,
Пронесшийся в тишине...
Проснулась любовь...
Карине Котанчян,
Далекая Карине...

10

«Радуга»...
Солнце там
Сквозь наирский туман
Запылавшую душу мою пленило,
Чтоб погас навсегда
Огонь моих ран.
Жарким солнцем Ирана была
Наири заплаканная голубизна...
И тоска гнетущая все росла,
Золотыми огнями зажжена.

(Еще не было в этом холодном мире,
Еще не было солнца — Наири...)

11

Москва.
Семнадцатый год.
В сердце — солнце Ирана пылающее.
Это жадное солнце
Хотело сжечь
Год
Наступающий.

Январь.
Февраль.
Двадцать шестого. . .
Оторвалось, как камень от скалы. . .

Солнце-рабочий,
Красный от зноя,
Покатил, расшатывая миры. . .
Что?
Глыбу.
Камень громадный.
Что века
На наших плечах покоился,
Сосал нашу кровь жадно,
Дышал холодом полюса.

Покатился.
И вдруг —
Миг ли, два ли —
Помедлил,
Прежде чем упасть с вершины.
Впереди открылись бездонные дали.
И раздавил он старую машину. . .
. . . .

Остановился в самом начале
И так стоял в тишине. . .
Позади — годы, как мрачное небо. . .
Медлил,
Точно боялся разбега. . .
Карине. . .
Глупая Карине. . .

12

В душе моей солнце Ирана
Пылало диким огнем,
И грусть Наири, как рана,
Таилась в сердце моем.
И зачем летел он за мною вдаль,
Сокол страсти твоей наяву и во сне?
Обаянье плоти твоей — печаль. . .
Карине. . .
Туман-Карине. . .

13

Как камень, застрявший в дороге,
Что сорвался с горной гряды,
Душа в непорочной тревоге
Ждала последней беды.

Должна была камнем упасть
Тоска по тебе, Карине,
Чтоб грусть Наири слилась
С иранским солнцем во мне.

И вот —
Июнь,
Июль. . .
И вот —
Сентябрь,
Октябрь. . .
Молот встретился с наковальней.
Посыпался град ядер.

Красные бомбы песней кровавой
Взорвались в мозгу моем. . .
И я отдал мечты мои
Ветру шальному
Под этот грохот и гром.

И тоска по тебе упала,
Как камень, давивший грудь.
И с солнцем Ирана смешалась
Наири вековая грусть. . .

14

Дата жизни —
Восемнадцатый год.
«Вечер».
«Возвращение».
«Утро».
Душе от старых оков
Освобождаться так трудно. . .

Восемнадцатый
Огненный год.
Всесожжение в красном огне. . .
С новым звоном во мне
Наирское солнце встает.

Пожар.
Бесконечный огонь.
Кровь незаживших ран.
И вдруг — тоска по тебе,
Как луч, пронзивший туман...

Всесожженье.
Восторг.
Свет и гром.
Растрата страсти вдвоем.
И души свободной полет...

Это был восемнадцатый год.

Сома...
Люси Тараян...

15

(Жгучее льется вино,
Разгораясь в сердце моем,
В крови моей зажжено,
Разрывает давящий гнет,
Она — там, она есть, она — вот,
Эта женщина, эта страна...
И толпа огню предает
Землю, где рождена.
Она там — Люси Тараян —
Средь ширазских роз и лучей,
Средь наирских гор и полян,
На просторах скифских степей...
В душах тех, кем пожар зажжен,
Кто страну огню предает...
Запылал земной горизонт...

Так было в тот красный год...)

16

Девятнадцатый.
Красная Армия.
Разлились
Черные потоки.
И повсюду звенят твои яркие,
Крылья твои широкие.
. . . .
Станция.
Войска.

Войска.
Красные воины.
Ночь близка.
И над красным войском
Повис
Черный мрак
Ожидания,
Страшный, глубокий. . .
А там — взгляни —
Видны
Огни,
Неясные, далекие. . .
Утром
К плечу плечом
Встанем
И в бой пойдем.
Врагу —
Разгром. . .

. . . .

Это было здесь — не в веках, —
В девятнадцатом году.

О, как была велика
Тревога в моем мозгу!
Душу я отдал огню,
Чтоб ее окутала алость...
Это здесь
В девятнадцатом году
Начиналось...
Красная Армия собралась,
Отряд за отрядом,
И во взорах людей зажглась
Радость, яркая радость.
И был так близко —
Просто рядом —
Тот грядущий мир,
О котором мечталось...

Даже лист последний — и тот
Верил, что Это придет...
Оно было там, за окном где-то,
На восторженный лик его
Солнце пролило столько блеска!..

Никогда не забуду тебя —
Тараян...
Станция Тихорецкая.

(И разве,
Товарищи
Красноармейцы,
Этот бой
Не воспел я тогда же?
Я посмотрел на синие рельсы
И понял: все это наше.

И в красном пожаре пылали,
Стремясь друг к другу,
Дождливый туман
Древней, как мир, наирской печали
И солнце твое, золотой Иран.

Я понял: для того чтобы вы могли
Стать одним целым, необходимо,
Чтоб раньше соединились огни
Парижа
С огнями Пекина.

Еще должен огонь
Опалять нам грудь,
Жечь сердца нам, ярый и красный...
Но я нашел, нашел уже путь,
Пусть бесформенный, шаткий,
неясный...)

18

Страна Наири меня зовет
Своею тоскою древнею.
К концу подходил девятнадцатый год,
Когда я вернулся в Армению.

А там опять
Кровь и мрак —
В городе Ереване
Хумбапет Дро, дашнак,
Поднял трехцветное знамя.

Поднял вблизи Масиса.
И хлынули слезы народные.

И тени
С землистыми лицами
Наполнили город голодный...

Куда
От боли мне деться?
Как камень, она тяжка...
Мне снова привиделось
Детство...
И Карс —
Моя тоска...

. . . .

19

Карс.
Конец девятнадцатого года.
То же небо, как шелк,
Солнца синий котел,
Те же журчащие воды.

Но солнце напрасно трогает
Глаза ослепших зданий,
Напрасно даль Наири
Слушает вод журчанье...

Виденных в детском сне людей,
Похожих на тени,
Милых до боли,
Не было больше со мной...
Превратилось в точило мечей
Детство мое голубое,
Зеленый тополь мой...

И зачем мне смеяться, когда, в свой срок,
Взволновав весь зал и фойе,
Важный критик
Вдруг громогласно изрек,
Что родился великий поэт...
Что с песней вместе горит
Пламенный этот певец...
Ликуй, страна Наири,
Ликуй, Егише Чаренц.

20

Двадцатый год.
Ереван.
Февраль.
Март.
Май...
Привет,
Товарищ Саруханн,
Мусаел,
Авис,
Тавакал...

Привет всем вам,
Вашей воле,
Твердой, как гранит,
Жгучим огням Москвы,
Алым розам твоим, Иран.

. . . .

Ереван.
Первое мая.
По улице Астафян
Идет за колонной колонна.

Восторженные лица...
И красные знамена
Встают перед Масисом,
Как пламя, полыхая.

Все, все
Идите,
Кричите,
Пусть крик ваш
В небе потонет!
Зигзаги на дорогах —
Это несутся кони,
Ереван, как брата с сестрою,
Соединив с Москвою.
Сыплется прах старых зданий
От ударов
Железной длани.

Грядущего света блик
Горит у меня внутри...
Обретя свой подлинный лик,
Встала радостная Наири.

21

Двадцать первая глава.
Двадцать первый год.
В двадцать первом году — что
случилось?
Пусть душу грядущее вберет,
Чтоб солнцем она озарилась.

Читатель, дай своей песни ножом
Рассеку души твоей нервы...

Я был Красной Армии бойцом,
Наирской армии первой.
И впервые Масис наш, седой, как
пророк,
Тогда увидел воочью,
Как чудо, о коем мечтать не мог, —
Борьбу наирских рабочих.

А
Когда я
Домой вернулся, там
Уже ждала меня
Наири. . . эта женщина-мечта,
Губы — розы,
Глаза — два огня.

Так много лиц прошли, маня,
Но в сердце навек твой лик,
О светлая любовь моя,
Арпик, моя Арпик. . .

. . . .

22
Теперь я живу в Москве,
В голове у меня золотой вихрь,
Роберт Оуэн у меня в голове,
Он теперь грядущее сторожит.

Стихи, поэмы пишу. Спешу
В мечтах к грядущим мирам.
Наири моя, тобой дышу,
Люблю тебя, огненный мой Иран.

Я теперь далеко от вас... Но нет!
Я сегодня ближе к вам из Москвы.
Как стрела, за бегущей газелью вслед
С натянутой спущенная тетивы...

Было в душе моей три стрелы,
Прилегающих плотно к луку дней.
Теперь умчались, взлетев из мглы
В радостный вихрь
Заревых огней.

Не забуду вас, —
Ныне слились вы в одной, —
Скоро мы вот так полетим
С тетивы времен, трехконечной стрелой
Куда-нибудь в Индокитай, Пекин...

Примите меня, я предан вам —
Ты, Москва, пылающим огнем,
Мой золотой, золотой Иран,
Моя Наири, мой отчий дом!

1922

СОДЕРЖАНИЕ

РУБАЙАТ

Для старшего школьного возраста

Егише Чаренц

СТИХИ

ИБ № 4412

Ответственный редактор
Р. Д. Кафриэлянц
Художественный редактор
С. И. Нижняя
Технический редактор
Е. М. Захарова
Корректоры
Ж. Ю. Румянцева и Г. В. Русакова

Сдано в набор 21.03.80. Подписано к печати 27.08.80. Формат 70×100 1/32. Бум. офсет. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,85. Уч.-изд. л. 4,45. Тираж 100 000 экз. Заказ № 35. Цена 35 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Чаренц Е.

Ч 20 Стихи/Пер. с арм.; Художник Евг. Коган.—М.: Дет. лит., 1980.—143 с., ил. (Поэтическая библиотечка школьника).

В пер.: 35 к.

Избранные стихи классика армянской советской литературы. Предисловие С. Капутикян.

70803—488
Ч————————273—80
М(101)03—80

С(арм)2

ıl.

2

35 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»